

КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ

**В.И. МОЛОДИН, А.Е. ГРИШИН. ПАМЯТНИК СОПКА-2 НА РЕКЕ ОМИ.
Т. 5. (КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕКРОТОВСКОЙ
(ЧЕРНООЗЕРСКОЙ), АНДРОНОВСКОЙ (ФЁДОРОВСКОЙ),
ИРМЕНСКОЙ И ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУР).
НОВОСИБИРСК: ИЗД-ВО ИА ЭТ СО РАН, 2019**

© 2022 г. С. Н. Корневский*

Института археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.02.2021 г.

После доработки 14.05.2021 г.

Принята к публикации 01.06.2021 г.

DOI: 10.31857/S0869606322010081

Пятый том монографии В.И. Молодина и А.Е. Гришина “Памятник Сопка-2 на реке Оми” продолжает серию изданий материалов этого могильника, расположенного в долине между реками Омь и Тартас в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Предыдущие тома этих авторов касались раскопок более ранних или более поздних материалов его захоронений. Так, том 1 содержит информацию по эпохам неолита – раннего металла (усть-тартаская археологическая культура) (Молодин, 2001). Том 2 охватывает эпоху древне-тюрского времени (Молодин, Соловьев, 2004). Том 3 представляет погребальные комплексы овиновской культуры западносибирских лесостепей времени ранней и развитой бронзы (Молодин, 2012). Том 4 посвящен кротовской культуре, выделенной В.И. Молодиным в 70-х годах прошлого столетия.

Антропологические материалы в 5 томе определялись В.А. Дремовым, А.Р. Кимом, Т.А. Чикишевой, палеозоологические определения выполнены Н.Д. Оводовым, С.К. Васильевым.

Рецензия на том 4 раскопок на могильнике Сопка-2 была опубликована в 2018 г. (Корневский, 2018). Данная работа является продолжением предыдущей публикации. В ней поставлена задача прежде всего информировать читателя о новом томе столь фундаментальной серии работ и о выводах исследователей, которые они опубликовали при вводе в научный оборот результатов их раскопок.

В текст книги вошли материалы позднекротовской (черноозерской) культуры, андроновской (федоровской), ирменской и пахомовской куль-

тур. Первые из них составляют основу публикуемого тома. В монографии они получили индекс Сопка 2/5. Андроновские (федоровские) памятники публикуются под индексом Сопка 2/6, памятники ирменской культуры – под индексом 2/7, памятники восточного варианта пахомовской культуры – под индексом 2/8.

Структура монографии включает Введение, часть I, посвященную изложению темы о позднекротовских (черноозерских) памятниках, часть II, отражающую материалы андроновской (федоровской) культуры, часть III включает данные об ирменской и пахомовской культурах.

Работа имеет развернутое Заключение и Приложение в виде таблиц с данными антропологических определений, распределения категорий инвентаря по комплексам, а также таблицы с данными радиоуглеродного анализа.

Часть I. Сопка-2/6. Памятники позднекротовской (черноозерской) культуры. Кротовская культура начала и середины медно-бронзового века сейчас прочно завоевала себе место на археологической карте Сибири. Ее памятники распространены в Верхнем Приобье и лесостепном Обь-Иртышском междуречье. Позднекротовская (черноозерская) культура представляет собой сменившее ее новое образование, во многом наследующее традиции кротовских племен (С. 144).

Могильник Сопка-2 представляет из себя обширный грунтовый некрополь, расположенный на возвышенности недалеко от слияния рек Оми и Тартаса. В древности население окрестных лесов и лесостепи считало его особым сакральным местом, которое связывалось с упокоением соро-

дичей. Люди разных культур хоронили здесь своих близких столетиями и при этом старались занимать определенную локализацию на территории мыса, особо не нарушая захоронения своих предшественников. Но разрушения погребений, конечно, были. Авторы монографии полагают, что они частично были связаны с ритуальными проникновениями в могилы с целью изъятия оружия и украшений из бронзы (С. 134).

Погребения позднекротовской культуры занимают небольшую часть могильника Сопка 2 и располагаются цепочкой в восточной части некрополя прямо у берега. Они представляют из себя грунтовые ямы, ориентированные длинной осью в сторону реки. Всего их в монографии представлено 86. В них обнаружено 92 погребенных. Хорошей сохранностью обладает более чем 50% комплексов, нарушение захоронений достигает 14%. По сравнению с количеством кротовских могил – около 600 комплексов – погребения позднекротовской (черноозерской) культуры выглядят как менее масштабная группа, но вполне достаточная для историко-культурных обобщений.

Погребальные ямы для захоронений людей позднекротовской культуры были приспособлены для положения сородичей в позе на спине вытянуто. Они имеют в длину 188 – 280 × 51 см и глубину от 6 до 40 см. Конкретно параметры ям зависели от количества погребенных в них людей, как правило, не более двух. Детские могилы имели не столь крупные размеры. Отмечаются даже небольшие круглые ямы для захоронения детских черепов. Авторы книги полагают, что в случае смерти взрослого или ребенка зимой, труп могли хранить до подходящих условий оттепелей. При этом анатомический порядок его мог быть нарушен, особенно у детей. Отсюда возникли случаи с захоронением отдельных детских голов (С. 133).

Древние ограбления отмечены у 21% могил, разрушено другими сооружениями – 6%. Вторичные захоронения отмечены в 8% могил. Только 36% могил имеет слабую степень нарушения. Такую статистику всегда надо иметь в виду при оценке выводов исследуемого могильника.

Доминирующая поза ингумации поздних кротовцев на спине вытянуто – 46%. У 47% могил установить позу погребенных не удастся. Редки случаи положения на спину с наклоном на бок и согнутыми коленями. В коллективных погребениях иногда отмечается положение покойных ярусами или парами на одном уровне. Покойного сородича обычно клали по центру могилы и вдоль ее длинной оси.

Антропологические определения пола и возраста сделаны были максимально полно. При конкретном рассмотрении погребений по кластерам мужчин, женщин и детей выясняется такая

картина: погребений мужчин в относительно неграбленных могилах можно насчитать 20 случаев (пп. 54–56, 64, 75, 92, 94, 108, 117, 121, 124, 132, 137, 146, 322, 324, 325, 334, 335, 604). Возраст умерших таков: 20–25 лет – 1 случай, 25–30 лет – 2 случая, 30–40 лет – 12 случаев, 50–60 лет – 1 случай.

Статистика показывает, что молодых мужчин 13–20 лет, похороненных на кладбище, нет вообще. Случаи погребения мужчин в расцвете сил 20–25 лет всего 1 случай, в возрасте 25–30 лет – 2 случая. В основном возраст смерти мужчин касается интервала 30–40 лет – 12 случаев. Похороненных стариков очень мало – 1 случай.

Погребения женщин отражают следующую статистику. Всего их учтено 23 случая (пп. 54 – вместе с мужчиной; пп. 69, 70, 78–80, 91, 107, 109, 110, 119, 122, 126, 133, 134, 140, 141, 147, 323, 337, 372, 376, 603). Самые молодые погребенные женщины отмечены в возрасте 12–14 лет и 14–15 лет – три случая. Они связаны с наиболее ранними показателями брачного возраста. Погребенных женщин в возрасте 15–20 лет нет вообще. То есть женщины на начальном пике своего расцвета для деторождения на этом кладбище не хоронили, вероятно, по естественным причинам состояния их здоровья. Похороненных женщин в возрасте 20–25 лет учтено шесть случаев, в возрасте 30–45 лет – девять случаев, в возрасте 50–60 лет – два случая. Здесь статистика указывает на основной возраст похороненных женщин от 20–25 и 30–45 лет, т.е. на возраст брачных отношений и активного деторождения. Женщин старшего возраста более 50 лет очень мало. Видимо, такой возраст достигали не многие.

Погребений детей учтено 26 случаев с определением возраста смерти. Статистика такова. Детей до года учтено 9 случаев, от 1 года до 5 лет – 10 случаев, около 7 лет – 2 случая, 7–14 лет – 1 случай. Статистика явно указывает, что на кладбище детей хоронили с такой же частотой, как и взрослых. Пик детской смертности приходится на возраст до 1 года и от 1 года до 5 лет. Более взрослых детей, погребенных на позднекротовском кладбище единицы – всего 2 случая.

Случаев смерти молодежи от 10 до 12–15 лет для девочек не отмечено вообще, как и для отроков и молодых людей мужского пола от 7 до 20 лет. Участие молодежи в войнах и охоте с летальными исходами, видимо, было не столь ощутимо для изучаемых популяций.

Погребальный инвентарь в захоронениях могильника Сопка 2/5 отражает его распределение по вещам, тяготеющим к погребениям мужчин, женщин и детей. Авторами этот сюжет рассматривается подробно. Так, с погребениями женщин соотносятся наручные браслеты, пары височных колец, шилья, иглы. Такие предметы можно встретить в детских захоронениях. Особо показа-

тельны для позднекротовских погребений женщин медные браслеты с закрученными концами.

Авторы монографии отмечают по этой категории украшений влияние андроновских традиций на комплекс декоративных предметов (С. 129, 130).

С женским погребальным набором связываются предметы из кости животных и зубов медведя, наборы из раковин моллюсков (С. 131).

С погребениями мужчин соотносятся находки бронзовых кинжалов в шести комплексах. Среди этих предметов есть прекрасные образцы колющих орудий из п. 325, 334, 335. Длина колющего обоюдоострого клинка у них достигает 13–15 см, а сам кинжал являлся выработанной на практике сражений эффективной формой оружия рукопашной схватки. Кинжалы находят на груди умерших людей, между плечевой костью и корпусом. Авторы монографии полагают, что такое оружие могли носить на перевези. В любом случае кинжал из п. 325 имел литую рукоятку и кольцо для подвешивания.

Помимо кинжалов с упором в погребениях встречены более простые формы этого оружия с черенковыми рукоятками даже в виде сломанного, но перезаточенного клинка 54, 94, 121, 335 (С. 102).

В п. 55 на тазовых костях человека были найдены колюще-режущие предметы, плотно прислоненные друг к другу. Вероятно, они были убраны в футляр или ножны как инструменты. Один из них является однолезвийным ножом, второй — кинжалом с аморфным овальным клинком и трапециевидной рукояткой. По своей форме эти предметы явно уступали эффективности боевым кинжалам с намевающими упором рукоятки.

В мужских могилах дважды были найдены сделанные из платины щипчики — пинцеты для каких-то особых нужд.

Особой категорией военно-охотничьего оружия в погребениях встречаются наконечники стрел. Всего их найдено 36 экземпляров в 7 погребениях. В мужских могилах они были найдены 6 раз, в женской могиле — 1 раз. Наибольшее их количество было встречено в п. 132. Связка наконечников лежала у правого бедра покойного. Скорей всего она помещалась в колчан. Боезапас состоял из 17 стрел. Все они были черешкового типа. Одни имели треугольное сечение головки, другие — линзовидное, третьи — подпрямоугольное и даже круглое (С. 47). Длина наибольшего из них составляла 6–8 см. Костяные наконечники могли быть хорошо поражающим средством незащищенного противника или крупной охотничьей дичи. Но защититься от них было несложно, используя щит или даже доспех из костяных пластин или из толстой шкуры животного.

При сравнении с находками наконечников стрел кротовской культуры на могильнике Сопка 2/4Б можно отметить, что в погребениях участка

Сопка 2/5 нет костяных наконечников с боковым шипом, а также наконечников из кремня. Видимо, для такой разницы в наборах были свои причины. Одна из них предполагала большой дефицит кремня для изготовления такого оружия. Другая допускает мысль о том, что форма наконечников костяных стрел вполне удовлетворяла нужды поздних кротовцев в этом оружии для войны и охоты.

Наконечники стрел в погребениях не образуют сочетаний с боевыми бронзовыми кинжалами с упором на рукоятке. Поэтому авторы монографии предлагают поставить вопрос об отражении этими предметами статуса “воина” и “охотника” (С. 132). Но пока они не настаивают на такой интерпретации. Информация о погребении с военной символикой все же есть. Захоронение 55 отмечается в книге как воинское. Оно не было разрушено в древности. В нем обнаружен бронзовый кельт, а также два небольших наконечника стрел (С. 12).

Детские захоронения встречены без вещей и с предметами, которые встречаются в могилах взрослых. Можно отметить, что, несмотря на разрушения погребений, большинство детских могил сопровождается инвентарем. Примерно, эти цифры таковы: с вещами найдено 15 из 26 погребений.

Специально следует отметить погребение ребенка 4–5 лет в могиле 333 (С. 63). В нем в яме за черепом был найден боевой бронзовый кинжал с упором на рукоятке. Но сама рукоятка была укорочена или деформирована. Поэтому такой кинжал можно не считать оружием взрослого человека. Возможно, он был только его символом.

Ближайшей аналогией такому погребению является захоронение ребенка п. 425 в могильнике кротовской культуры Сопка-2/4Б (Молодин, Гришин, 2016. С. 275). Как объяснить случаи таких находок оружия в детских захоронениях? Авторы монографии приводят пример из этнографии хантов и манси. По верованиям этих народов умершие люди могли передавать сородичам в загробный мир необходимые для предков вещи (Молодин, Гришин, 2016. С. 276). С другой стороны, такие детские погребения с кинжалами могут быть свидетельством передачи воинского ранга взрослого человека ребенку. При этом знаком такого наследственного статуса являлся именно кинжал.

Своеобразной особенностью погребальной практики позднекротовской культуры является почти полное отсутствие в могилах керамики. В п. 105 найден только один плоскодонный сосуд (С. 85).

Редкой находкой является костяная плоская ложка (С. 89), выточенный из кости кинжал

(С. 88), кремневые скребки, каменный пест-отбойник, абразив.

В погребениях детей, как отмечалось выше, неоднократно встречаются женские предметы погребального обряда, такие как проколки, иглы, браслет, бронзовые кольца, наконечники.

С детским погребением соотносятся находки семи бронзовых маленьких бляшек с пунсонным орнаментом, найденных на грудных костях ребенка в п. 70 (С. 49).

Особой категорией погребальной практики являются астрагалы животных. Они встречаются в могилах детей в разном количестве и реже — в могилах взрослых. Так, в детском погребении 332 найдено 14 астрагалов с отверстиями, в п. 621 в могилах мужчин — 10 астрагалов, в в. 334 — 16 астрагалов. Среди таких предметов в трех погребениях детей 1–5 лет встречены астрагалы лошади. В п. 123 подростка (женского пола?) найдены две “бабки” (С. 132). В мужском погребении 334 найдены астрагалы собаки. В п. 140 — три астрагала барана (С. 53). В п. 138 найдено пять астрагалов барана, причем один предмет был просверлен и подшлифован (С. 55).

Использование астрагалов животных было очень широко распространенной традицией в эпоху медно-бронзового века. Есть предположения, что они были предметом игр. Но по другой версии, они могли быть связаны с культом плодородия, так как встречаются астрагалы с обозначением на них пары женских грудей (Юдин, 2004. С. 97, рис. 67, 2; Olsen, Harding, 2008. P. 73, fig. 4, 3).

Находки астрагалов лошади позволяют авторам монографии прийти к выводу о коневодстве позднекротовских племен (С. 121), а находки астрагалов барана дают повод считать, что они могли заниматься овцеводством. Кормовая база для выпаса скота на лугах Оми и Тартаса была великолепной.

Среди погребального инвентаря Сопка 2/5 особое внимание привлекают бронзовые литые бляхи с петлей на тыльной стороне, обломки литых форм и находки золота. В п. 146 бляха диаметром более 4 см была найдена на правом крыле таза (С. 59). В детском п. 332 такая же бляха находилась на крестце ребенка (С. 67). Видимо, эти бляшки могли быть деталью поясного набора.

Литейные формы и их обломки были найдены в потревоженном п. 54 (мужчины и женщины), погребении 55 мужчины, погребении 64 без скелета. В женском п. 91 были найдены две литейные формы. Одна предназначалась для изготовления наконечника дротики, другая — для отливки стержня-болванки (С. 95). Таким образом, погребения позднекротовской культуры продолжают более раннюю кротовскую традицию символики литейного дела. Примечательно, что один раз такие находки были сделаны в женском захороне-

нии. Возможно, это отражает случаи занятия женщинами литьем изделий на медной основе?

Находки золотой фольги со штамповкой отмечены в п. 54, там же найдена пластина из золотой фольги, золотые обоймочки и золотые гофрированные трубочки. Длина пронизок из золота составляет от 0.4 до 1.54 см, диаметр 0.3–0.43 см (С. 110). В п. 55 найдены две пластинки из золотой фольги (С. 110). В п. 338 ребенка обнаружены обрывки золотой фольги с орнаментом (С. 110). В женском п. 337 найдены два крупных кольца из меди, покрытые золотой фольгой. Один конец кольца из п. 337 тупой, другой острый (С. 115). В этом же погребении был найден перстень из меди с двумя закрученными концами (С. 76).

Благородные металлы — золото и серебро — всегда были важными показателями развития престижных ценностей у людей разных культур медно-бронзового века. По находкам золотых наклеек в комплексах позднекротовских могил можно заключить, что традиция использования благородных металлов кротовской культуры могильника Сопка 2/4Б (Молодин, Гришин, 2016) получила свое продолжение. Немногочисленные, но очень важные свидетельства о находках золота в позднекротовских погребениях показывают, что они не связаны с захоронениями мужчин. Более они тяготеют к женским могилам и в одном случае найдены в детском захоронении.

Интересной находкой является бусина из бирюзы из п. 79 (С. 132). Она отражает дальние связи местного населения.

В женских п. 55 и 123 найдены бронзовые тонкие круглые бляхи с орнаментом пунсоном по краям (С. 112).

Довольно многочисленна серия бронзовых колец, которые находились в основном в женских захоронениях. Всего они учтены в количестве 18 шт. (С. 113). Диаметры колец 3.5–5 см. Концы подострены. В погребениях такие кольца представлены парами, находки по одному кольцу нередко связываются с ограблением могил (С. 115).

Хронология погребений позднекротовской культуры определяется радиоуглеродными датами. Они сделаны по материалам для 13 погребений. (пп. 94, 108, 119, 122, 123, 134, 141, 325, 334, 335, 337, 376, 625). Даты были получены в лаборатории СОАН для 15 захоронений, в Ленинградской лаборатории — для 2 захоронений, Лаборатории Бостона — для 2 захоронений.

Особенностью датированной серии образцов является ее исключительная связь с костями человека.

Хронологический интервал для памятников позднекротовской (черноозерской) культуры для авторов монографии был в принципе понятен. В предшествующем томе 4 (Молодин, Гришин, 2016) для датировки кротовских памятников на

могильнике Сопка-2/4Б было сделано 28 радиоуглеродных дат. Авторы монографии на их основании приходят к заключению, что памятники кротовской культуры занимают все III тысячелетие до н.э. При этом они распадаются на две хронологические группы. Одна, ранняя группа, датируется в рамках первой половины III тыс. до н.э. Другая, более поздняя, относится ко времени второй половины III тыс. до н.э. Важно отметить, что появление литых обоюдоострых кинжалов, бронзовых наконечников копий, кельтов соотносится именно с поздней серией захоронений. Они связаны с пятью датами из трех погребений 282, 427, 594. Четыре из них укладываются в диапазон XXIII–XXI вв. до н.э. и лишь одна дата относится к XVIII в. до н.э. (С. 448, 449).

Таким образом, для хронологии памятников позднекротовской культуры на могильнике Сопка 2/5 определяется диапазон более молодой, чем XXI в. до н.э. Эти даты получены из погребений 108, 337, 625, 1129, 1234. Диапазоны их имеют интервалы с вероятностью 68% от 2150–1950 BC; 1670–137, 1650–1610 BC; 2140–1920 BC, 1969–1750 BC и тому подобные. Вместе с тем авторы монографии отмечают случаи сильного омоложения некоторых значений (С. 152), что прослеживалось и при датировке первой серии из погребений кротовской культуры.

В заключение В.И. Молодин и А.Е. Гришин акцентируют следующие проблемы в интерпретации публикуемых материалов.

Во-первых, подтверждается тезис о выделении кротовской культуры, который имел свою дискуссию ранее.

Во-вторых, кротовская культура испытывала мощное влияние со стороны андроновской (федоровской) культуры и исчезла. На смену ей пришла позднекротовская культура (С. 144). Ее становление происходило в период миграции андроновских племен, вероятно, из Центрального и Восточного Казахстана. В ходе этих миграций происходил контакт кротовского (антропологически) северо-монголоидного населения с (антропологическими) европеоидами андроновской (федоровской) культуры. Результаты этих контактов отразились в генофонде у позднекротовского населения, как считают авторы монографии, опираясь на новейшие исследования в области палеогенетики (С. 146).

В итоге на территории Прииртышья носители позднекротовского культурного образования некоторое время сосуществовали с андроновцами, постоянно контактируя с ними, пока различия между этими культурами окончательно не стерлись. (С. 155).

Часть II. Сопка 2/6. Погребения андроновской (федоровской) культуры. Авторы монографии отмечают 10 погребений, которые можно отнести к

андроновской (федоровской) культуре на могильнике Сопка 2. Для них характерна небольшая яма, в которую можно поместить скорченного на боку человека. Кости рук согнуты, кисти у черепа. Погребения андроновской (федоровской) культуры располагаются порознь друг от друга и скопленных не образуют. Среди них есть захоронение ребенка (п. 637), трех женщин в возрасте 18–29, 25–30, 5–60 лет, трех мужчин в возрасте 18–20, 20–39, 40–45 лет, а также погребения, в которых кости не были обнаружены (п. 640). Находки представлены баночными сосудами андроновского (федоровского) типа, медными височными кольцами, бусами, обломком пластинчатого ножа. В.И. Молодин и А.Е. Гришин считают, что люди андроновской (федоровской) культуры не рассматривали могильник Сопка 2 как свое основное родовое кладбище. Их могилы могли быть следствием эпизодических посещений этих мест. Одно погребение 354 было датировано. Дата с вероятностью 68% 1789–1630 BC (С. 169).

Рассматривая вопрос о хронологии андроновских (федоровских) памятников, авторы монографии пишут, что их дата в Барабинской лесостепи, в Зауралье, Казахстане, Минусинской котловине определяется повсюду в рамках XVIII–XV вв. до н.э. (С. 168), что согласуется с датой комплекса 354 на могильнике Сопка 2/6.

Часть III. Сопка 2/7. Погребения ирменской культуры. На могильнике Сопка 2 обнаружено четыре погребения ирменской культуры, при них — три сосуда, которые ставили вне захоронения. Погребения ирменской культуры № 153, 362, 365 принадлежали женщинам 20–25, 40–45 и 50–60 лет. Захоронения совершались в небольших ямах. Поза покойных людей была в положении скорчено на боку с южной ориентировкой. По месту обнаружения они перекрывали могилы кротовской культуры. Одна могила была впускной в насыпь кургана, который сам перекрывал кротовские захоронения в более позднее время. Дата ирменской культуры с учетом значений радиоуглеродных определений могильника Чича I — XIV–X в. до н.э. (С. 176).

Часть III. Сопка 2/8. Погребение восточного варианта пахомовской культуры было зафиксировано один раз как могила 519. Оно было разрушено и перекрыто захоронением тюркского времени. Принадлежность комплекса к восточному варианту пахомовской культуры определяется по найденному в могиле сосуду. Захоронение датируется второй половиной X–VIII вв. до н.э., т.е. переходным временем от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (С. 175).

Таким образом, единственный комплекс восточного варианта пахомовской культуры завершает ввод в научный оборот обширного свода источников развитой и поздней бронзы могильника

Сопка 2, отражающего динамику историко-культурного процесса в Барабинской лесостепи практически двух тысяч лет (С. 176).

В заключение считаю возможным подчеркнуть принципиально важные особенности этого исследования.

Во-первых, памятник изучался высококвалифицированным коллективом специалистов систематически в течение 13 лет. Работы осуществлялись сплошным исследованием территории могильника. Такой подход был, безусловно, повышено затратным, но он дал положительный результат, связанный с подробным обследованием памятника. Аналогичные примеры подобного масштабного ведения раскопок грунтовых могильников трудно привести.

Во-вторых, в исследовании и обработке полученных данных принимали участие специалисты смежных с археологией дисциплин: антропологи, палеозоологи, палеоботаники, генетики. Большое внимание уделялось получению радиоуглеродных датировок. Это был долгий и напряженный труд большого коллектива ученых.

В-третьих, результаты раскопок были введены в научный оборот как первооснова исследований вместе и их интерпретацией. Источниковедческая часть работ археологов имеет равное значение не только для выводов сегодняшнего дня. Она может быть очень важной сводкой находок для работ в будущем при накоплении нового материала. В этом состоит особенность такого жанра исследований, сочетающих источниковедческий и интерпретационный характер.

В-четвертых, дискуссии, поднятые в работе, и выводы делаются авторами на фоне широких обобщений сравниваемого материала.

В.И. Молодин и А.Е. Гришин, завершая 5 том публикаций могильника Сопка 2, пишут, что в будущем готовится к изданию 6 том, посвящен-

ный памятникам Средневековья, которые до сих пор были опубликованы только выборочно. Работы по изучению Обь-Иртышской лесостепи активно продолжаются. Они ведутся на памятниках Тартас-1, Усть-Тартас -1 и -2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Корневский С.Н.* В.И. Молодин, А.Е. Гришин. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4. (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 451 с. // Российская археология. 2018. № 2. С. 175–181.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на р. Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. Т. 1. 127 с.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на р. Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
- Молодин В.И., Гришин А.Е.* Памятник Сопка-2 на р. Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во. СО РАН, 2016. Т. 3. 451 с.
- Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О.* Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: Археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 46. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.* Памятник Сопка-2 на р. Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. Т. 2. 184 с.
- Юдин А.И.* Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 199 с.